

Комедия авторских ошибок

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

Это случилось не сегодня – Эльдар Рязанов научился снимать кино с волшебством. Раньше – умел. Волшебство – вещество летучее, на ощупь и на запах неуловимое. Это вам не кролик, которого прямо в кадре вытаскивают за уши из цилиндра. Говорят, когда Георгий Товстоногов собрал актеров на читку пьесы Александра Володина “Пять вечеров”, он сказал: “Будем делать спектакль с волшебством”. Что имел в виду – не объяснил. По воспоминаниям очевидцев, спектакль был с волшебством. Сценарий Алексея Тимма “Привет, дуралей!” предполагал в качестве одного из действующих лиц неопознанный летающий объект, который бы вмешивался в действие. На объект денег не хватило. И это хорошо, что не хватило. Волшебства присутствие объекта не прибавило бы – загубило бы дело окончательно.

Рязановское волшебство было тихим и ненавязчивым. В той же “Иронии судьбы, или С легким паром!” главный фокус заключался не в гипотетической возможности-невозможности загрузить вдрызг пьяного пассажира по чужому билету на борт самолета, а в том, как Женя Лукашин и Надя Шевелева от минуты к минуте находили себя друг в друге. Рязанова называли профессиональным утешителем совершенно напрасно – в том смысле, что он раньше не делал из утешительства доходной профессии, как стали делать его оборотистые наследники не по прямой Дмитрий Астрахан (“Все будет хорошо”) и Елена Райская (“Президент и его женщина”). Воспользовавшись тем, что владелец отвлекся, они обустроились в его нише и зажили там согласно своим представлениям и вкусам (хотя в этом случае о вкусе – лучше не надо). Придя в себя, хозяин – подобно Наде Шевелевой – обнаружил на своей законной площади непрощенных постояльцев. Но не стал пробуждать их ото сна разума, а сам заговорил на их воляючке, вымолвив фильм “Привет, дуралей!”

История сама по себе забавная. Нелепому неудачнику-дуралею приснился сон о том, что в прошлой жизни он был богатым французом, проживавшим в Москве и приправившим во время революционных передрыг фамильные драгоценности в тайник. На улице чудак встречает молодую женщину, в которой узнает свою супругу из прошлой жизни. Все дальнейшее, связанное с поисками спрятанных сокровищ и обретением взаимного чувства вкупе с чудесным излечением героини за счет бабушкиных брюликов, восстает против подробного пересказа, и я этим неблагодарным делом заниматься не стану. Замечу лишь, что параллельно главному (вернее, по касательной) развивается побочный сюжет: кандидат в президенты от некой социал-социалистической партии готовится к грядущим выборам и прибегает к услугам модной визажистки, которая по совместительству является бывшей женой дураля. Такой вот сюжетный наворот. Переведем дух и разберемся.

Положим, тень Чаплина – в связи с трогательной историей про бродягу и слепую торговку – трогать не будем. Посчитаем, что главный сюжетный толчок – сон нашего рядового современника с прозрением своего титулованного прошлого – шлет дуралейский привет “Снам” Карена Шахназарова и Александра Бородинского. С той лишь разницей, что там события развивались ровным счетом наоборот: в страшных снах к графине Призоровой является она сама, подвизающаяся посудомойкой в советских забегаловках с тошнотиками и бурым бачковым кофе. А история с катавасией вокруг президентских выборов, обслуживаемых армией стилистов-визажистов, востребована и вовсе недавно – в уже упомянутых “Президенте и его женщине”, подаривших нам райское наслаждение. Так что Рязанов и Тимм со своими плодотворными дебютными идеями приобщились к идеям по обыкновению носившимся в воздухе, и их сумели выловить ушлые конкуренты.

Другой клад, из которого режиссер черпает горстями, – его собственное творчество, комедии минувших лет. Сама история случайной и счастливо роковой встречи двух людей не от мира сего отсылает все к той же иронии судьбы – вплоть до эпизода, где хозяйка обнаруживает в доме

непрощеного гостя (который, впрочем, забрался туда преднамеренно). Иными словами, дуралей девяностых шлюет привет дуралям семидесятых. Ведь совсем не случайно Рязанов озвучил главного героя – его играет клоун Вячеслав Полунин – голосом Андрея Мягкова. Что, кстати, если и было выходом из создавшегося положения, то более чем удачным: интонации Мягкова дружат с мимикой и пластикой Полунина.

И неспроста повторяет Рязанов кадр, завершающий первую серию “Иронии судьбы”: крутится пластинка, которую поставила героиня. В случае с героиней Татьяной Друбич этот нюанс должен обогатить наши представления о старомодности главной дуралейки: скажите, в каких домах сейчас крутят пластинки на проигрывателях? Впрочем, старомодность старомодностью, а прикинута эта бедолага-продавщица с не самым высоким окладом вполне прилично: не от Зайцева, конечно, но и не из магазина “одежда на вес”.

Продолжим путешествие по рязановской области. Мотив поиска сокровищ, в которые включаются как законные наследники, так и противозаконные барыги, завещан дуралям никем иным, как “Итальянцами в России”.

Наконец, песня за кадром (естественно, в карамельном исполнении четы Никитиных) очень остроумно переключается не то чтобы с дуралейским, а прямо-таки идиотским шлягером “Весенней ночью думай обо мне и зимней ночью думай обо мне” в исполнении несчастливого хора девелопов тамбовских девиц, мотающихся от Карпат до Мурманска из-за чиновничьего головоутиательства в “Забывтой мелодии для флейты”. Да, я настаиваю на том, что Рязанов иронизирует – хотя в том фильме песня была написана на слова евшушковские, а в этом – на его собственные, рязановские. Не будете же вы меня, право, убеждать в том, что Рязанов на голубом глазу предлагает в качестве искренней лирической темы песню с безликой (разумеется, намеренно безликой) музыкой Андрея Петрова на такие вирши: “Любовь не может грешной быть, когда она любовь, ее немисливо забыть, когда она – любовь...”

Наконец, появлению самого Рязанова в одном из эпизодов едва ли кто-нибудь удивится, поскольку мэтр взял себе за правило появляться – как Хичкок – в каждой своей картине. Благо режиссеры схожи – комплекцией.

Таким образом, фильм мог бы называться точно так же, как и книга воспоминаний, которую Рязанов раз за разом переиздает, дополняя колоритными подробностями. То есть “Неповеденные итоги”. Но название это все же не самое веселое, а в планы Рязанова, насколько я разумею, входило снять смешную комедию. В экцентрике Рязанов никогда не был царем и

богом – на этом игровом поле победа всегда доставалась Леониду Гайдаю (в лучшие его времена). Показательная рязановская неудача с “Итальянцами в России” тому яркий пример. Может быть, в связи с уходом Гайды он решил взвалить на плечи ношу эксцентрика, оставаясь лириком. Если так, то эксперимент не увенчался успехом: резвый эксцентрик разделал под орех тихоно-лирика.

Занятно, что в “Дуралях” наиболее ограничен Полунин, которому – наверное, не без чуткой помощи режиссера – удалось освободиться от фирменных клоунских приемчиков, не оставшись внакладе: яркая пластика и выразительная мимика в рамках кинематографически-дозволенного остались при нем. Почти все остальные существуют на грани фола.

Если за Полунина режиссеру – отдельное спасибо, то за Друбич – отдельное увольте. Наверное, это заманчивая для режиссера задача – выявить характерность и эксцентричность в актрисе, природа которой никак не располагает ни к характерности, ни к эксцентрике. Что поделаешь, не дано ей уморительно падать в фонтан или биться головой о дерево – не ее это хлеб. Рязанов решил доказать обратное – не доказал. С Друбич вышла осечка: в nasledнюю бабушки – французенку я верю, а в дуралейку – нет.

Лет двадцать назад поблагодарить Рязанова за открытие актера (в данном случае – Полунина) означало бы поблагодарить за то, что он, Рязанов, есть на белом свете. Актеры всегда были его козырной картой. Пренеприятный сбой произошел с Ларисой Гузеевой – ее тезка Огудалова была явно не по ней скроена. Мне кажется, с каждым годом Рязанов становился все более неразборчив в лицах. Нет, он приглашал неплохих актеров, которые неплохо играли у других неплохих режиссеров – но именно у других. Ничего не имею против Татьяны Догилевой или Бориса Щербакова лично, однако сдаюсь мне, они все же солисты из другой оперы, не из рязановской.

С появлением потуг на эксцентрику юмор утратил свою окраску. Освободившись от пут сотрудничества с Эмилем Брагинским, режиссер и драматург заодно освободился и от изящества шутки. Хоть убейте, я не вспомню ни одного диалога из позднего рязановского творчества, который можно было бы цитировать так, как цитируют диалог Георгия Буркова с Александром Белявским в ресторане аэровокзала в Шереметьево из “Иронии судьбы”. Что же касается “Дуралей”, то здесь дело доходит до нелепости, право.

Мне, например, не смешно, что киллер, укокошивший в горячих точках несколько десятков человек, раскаялся в содеянном и теперь хочет исправить свою ошибку. Как? Путем оплодотворения необходимого количества особей женского пола. Да

только вот беда – со статистикой полный завал: одна скроет, что ребенок твой, другая на тебя чужого навесит. Нет, с Анатолием Эйрамджана или Александра Польшникова взятки гладки, но речь-то не о них. Большинство шуток и шуточек “Дуралей” метят в область ниже пояса. То ли наших мэтров нужно поверять дедушкой Фрейдом, то ли они решили на новом витке своего творчества продемонстрировать тотальную американизацию нашего сознания. Кто не верит мне на слово, тот может по окончании просмотра “Дуралей” отправиться на фильм Владимира Мотыля “Несут меня кони...” Если вы натура тонкой душевной организации, то вас самих вынесут вперед ногами.

С фильмом Мотыля рязановских “Дуралей” роднит еще одно обстоятельство: и в том, и в другом с настойчивостью, достойной лучшего применения, повторяются кадры-открытки с изображением золотых глав церквей. У Мотыля это связано, надо понимать, с духовным перерождением героя, с его возвращением к истинным ценностям – весьма и весьма нетривиальный авторский ход. С чего бы это вдруг создателя “Белого солнца пустыни” обуяли клерикальные страсти (вкупе со своеобразным юморком, о котором выше), решительно непонятно. Рязанов, кажется, подобных настроений лишен – но храм Христа Спасителя с верхней точки демонстрирует несколько раз. То ли для того, чтобы придать повествованию высокую эпичность – вернее, навязать ее, потому что рассказываемая история эпике противится. То ли в качестве символа высшего утешения. Мол, всем нам, сирым и убогим дуралям, будет хорошо: сольемся в вечной взаимной любви.

Но проникнуться столь высоким чувством мешает манера, в которой эти кадры сняты оператором Павлом Лебешевым, знатоком по части интуитивной эстетики. Не хватает только голоса Олега Газманова за кадром: “Москва! Звонят колокола...” Эта любимая песня Юрия Лужкова пришлось бы кстати. Закрадывается даже подленькая мыслишка: уж не поспособствовал ли Юрий Михайлович съемкам материально, взамен получив несколько минут рекламы своего суперпроекта? Впрочем, гоню эту мысль прочь. Хотя сам Рязанов уверяет, что картина очень нуждалась в средствах – пусть она камерная, интерьерная, некостюмная, а все равно снята за гроши.

Ну, и какова же мораль, дорогие дуралей? А мораль такова. Краски на палитрах художников, живописующих жизнь дна, на котором оказалась страна, сменились с безысходно-мрачных на радужно-веселые. Но что замечательно – в обоих раскладах (как в прежнем, так и в нынешнем): авторы и мысли не допускают, что я могу не пожелать идентифицировать себя с постсоветскими сатирическими-баронами. В противном случае я должен искать себе отражение в нуворише, присутствующем в структуре сюжета, как единственная альтернатива изгойству. Рязанов же, последовав примеру Астрахана, Райской и иже с ними, перешел со спокойных интонаций на восклицательные и крикнул всем скопом: привет, дуралей!

И тебе привет, недотеп-филолог. И тебе, горе-продавщица. И тебе, бывший киллер, мечтающий реабилитироваться. И тебе, кандидат в президенты, с лицом Александра Ширвиндта, из которого пытаются сделать простого русского парня. И тебе, жлобина-охранник. И всем нам, соответственно. Все мы одним дуралейским миром мазаны. Как все просто, оказывается.

Каюсь, этот натужный объединительно-примирительный пафос чужд мне так же, как пафос противопоставительный (смотри выше). И не потому, что не мил мне призыв возлюбить ближнего своего – просто не люблю проповедь на стадионах. Особенно когда она маскируется под задушевную беседу с глазу на глаз. И пусть я не семи пядей во лбу, но из всеохватного реестра рязановских дуралей себя вычеркиваю. Остальные – как знают.

● Кадр из фильма

Рязанов Эльдар Александрович 15-22.05.97